

УДК 17 + 101.1
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.5
EDN GUJVHL

Научная статья

ЭСТЕТИКА КАСАНИЯ

AESTHETICS OF TOUCH

В. О. Пигулевский *

V. O. Pigulevsky *

* Частное учреждение высшего образования «Южно-Российский гуманитарный институт», Ростов-на-Дону, Россия

* Private institution of higher education "South Russian Humanitarian Institute" Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования: переосмысление предметного поля эстетики с позиции философской антропологии.

Objective of the study: rethinking the subject field of aesthetics from the perspective of philosophical anthropology.

Методологическая база исследования строится на концептуальных положениях общества риска (У. Бек, О. Н. Яницкий); институциональном подходе в соответствии с неoinституциональной концепцией Д. Норта; культурологическом направлении теории доверия как инструменте измерения социального капитала (П. Штомпка, Ф. Фукуяма).

The methodological basis of the research is based on the conceptual positions of the risk society (W. Beck, O. N. Yanitsky); the institutional approach in accordance with the neo-institutional concept of D. North; the cultural direction of the theory of trust as a tool for measuring social capital (P. Shtompka, F. Fukuyama).

Результаты исследования. Суть эстетики касания поверхностей в обеспечении комфорта существования, в сочетании красоты и пользы. Работа воображения в ситуации поглощенности тела стихиями мира рождает мечты, которые питают мифологию души. В этом плане эстетическое раскрывается как фантастическое. Семантика жеста и мимики становится подоплекой эстетики невербальной коммуникации – симпатии и антипатии, любви или ненависти, наслаждения и отвращения. В общении раскрывается весь спектр эстетико-психологических отношений – от наслаждения до отвращения, от боли и трагедии до радости и восхищения.

Research results. The essence of the aesthetics of touching surfaces is to ensure the comfort of existence, in a combination of beauty and usefulness. The work of imagination in a situation of absorption of the body by the elements of the world gives rise to dreams that feed the mythology of the soul. In this regard, the aesthetic is revealed as fantastic. The semantics of gesture and facial expressions become the background of the aesthetics of nonverbal communication – likes and dislikes, love or hate, pleasure and disgust. Communication reveals the whole spectrum of aesthetic and psychological relationships from pleasure to disgust, from pain and tragedy to joy and admiration.

© Пигулевский В. О., 2023

Перспективы исследования. Данная тема может представлять широкий интерес в изучении философской антропологии, культурологии, медицины.

Ключевые слова: эстетика, осязание, касание, высокая чувствительность, приятная осязательность, тактильная привлекательность, прелестное, боль, отвратительное.

Prospects of the study. This topic may be of wide interest in the study of philosophical anthropology, cultural studies, medicine.

Keywords: aesthetics, touch, touch, high sensitivity, pleasant tactility, tactile attractiveness, charming, pain, disgusting.

Эстетика касания

Современный интерес к телесности человека требует переосмысления предметного поля эстетики с позиции философской антропологии. В противовес трансцендентальной субъективности в качестве фундаментального основания исследования выдвигается субъективность тела и сферы его практической жизнедеятельности. Предлагается, например, сомаэстетика в таких аспектах повседневной жизни человека как репрезентационный – косметология, массаж, фитнес; экспериментальный – йога, медитации; и перформативный – забота о себе, тренинги и воспитание (Шустерман, 2012. С. 393–398). Среди различных телесных практик самой проблематичной сферой, является, пожалуй, осязание: «Переживание осязания подобно хорошему зеркалу, которое отражает наш образ, само же остается невидимым. Оно почти неощутимо, и всё же образует базу для всех разыгрывающихся на нем чувственных восприятий» (Кеннинг, 2002. С. 21). Задачей данной статьи является выяснение эстетического измерения, фундированного осязанием. Практически эстетика касания представлена проектированием поверхностей вещей и инструментов, обеспечивающих комфорт существования, а также циркуляцией знаков невербальной коммуникации.

Касание как бытие в мире

Человек телесно не только пребывает в мире, но и мир инкрустирован в тело (М. Мерло-Понти). Человек дышит, питается, общается, осмысливает и преобразует мир. Речь идет о субъективности тела и телесных практиках, таких как движение, касание, манипуляция, плотское влечение и ласка, удовольствие и боль, вкушение и трапеза, обоняние и аромат, слух и речь, зрение и взгляд, выделения и испражнение. Если обратить внимание на действие руки как особого инструмента осязания, то схватывание и манипуляция вещами и инструментами описывается термином *haptics* (Пигулевский, 2006. С. 31–36; Эпштейн, 2006. С. 16–17; Coppola, 1970. P. 14–15; Heslin, 1983; Katz, 1989; Mantagu, 1986). Эффективности действий человека с вещами, инстру-

ментами и техникой посвящена эргономика. Благодаря эргономике устанавливаются стандарты проектирования – сопряжения человеческой телесности с утилитарными вещами и урбанистической средой обитания.

Как известно, **осязание** (кинестетика, тактильное чувство) – контактное чувство, способность воспринимать что-либо рецепторами, расположенными в коже, мышцах, слизистых оболочках. Телесные ощущения вызываются давлением, вибрацией, температурой, весом, фактурой, материалом и формой вещей. Это самое достоверное чувство, позволяющее проверять визуальное восприятие. Осязание является тем допредикативным восприятием, на основе которого складывается опыт плотского освоения мира, кинестетики, хаптики. Какова форма, текстура, вес и температура предмета – вопрос, фундирующий наше бытие-в-мире. Осязание «работает» в модусах рассудочности и воображения. Вопрос заключается в определении эстетического измерения, фундируемого осязанием. Если осязание – непосредственное, допредикативное восприятие, то **касание** – рефлексия опыта осязания, оно изначально интенционально, делается с намерением для чего-то и зачем-то. Ощущение вещей кожей осмысленно, даже если изначально это неосознанная реакция, поскольку человек есть «очаг смысла» (М. Мерло-Понти). Касание – осмыслено как 1) познавательный интерес к объекту и рациональная реакция на ситуацию, 2) означивание тактильных образов через работу рассудка и воображения; 3) способ взаимодействия с объектами и инструментами; 4) способ невербального общения.

Касание может дополняться сенсорными наслаждениями, такими как возбуждение, экстаз, облегчение, изумление, выражающими «жизнь тела». Опыт осязания вовлечен в сферу субъективности, эмоциональной жизни человека, в психологическую (духовную) жизнь человека (Лоуэн, 2007. С. 95). Поэтому касание, в зависимости от жизненной ситуации, запускает цепь эмоций: *страх* в случае боли или возможности боли, физической или социально-психологической угрозы; *гнев*, вызываемый раздражением, озлоблением, нанесенной обидой, либо психопатологией насилия; *отвращение*, триггером которого становится источник заразы, продукты жизнедеятельности – моча, кал, рвота, кровь, слизь, болезнь или трупы, пищевые запреты; *удовольствие и наслаждение* – кинестетическое, пищевое, и пр.

Касание обуславливает наше понимание мира и возможности телесного действия в нем. Прикосновение осуществляется как трансцендирование предела тела (Montagu, 1986. P. 16–17). С одной стороны, *рефлексия* касания предстает как познавательный интерес к объекту – ощупывание, исследование поверхности или погружения в среду. Мы познаем мир через кожу, пальцы, стопы, будучи биологически укоренены в естественной среде. Рационально касание позволяет обнаружить истину, качество и состояние объекта.

Проекты поверхностей, по которым ходят, систем ручного управления, текстиля, обволакивающего наше тело, материала посуды, влияющей на органолептический вкус – задачи дизайна. Вместе с тем в проектах сочетается рациональное и желаемое. Целесообразно сконструированный мир цивилизации несет в себе элемент вымысла. Более того, инструменты, которыми пользуется человек, создаются для определенного способа бытия – подручного (*das Zuhanden*) в отличие от наличного (*das Vorhanden*). Присутствие окружающего мира предстает как наличие телесных вещей, повседневно близких и нужных человеку (Хайдеггер, 1997. С. 106).

С другой стороны, означивание тактильных образов предполагает работу *воображения*, которая выражается в искусстве и дизайне. Касание осуществляется в движении, схватывании, манипуляции в модусах интереса или реакции на ситуацию. На границе касания тела и плоти мира, помимо данного, наличного, истинного, возникает флер вымысла. Греза создается воображением, которое работает с опытом осязания, со следами бессознательного от постоянного сопряжения субъективности тела и плоти мира. Стихии огня, воды, воздуха и земли как архетипы бытия-в-мире рождают грезы, которые воплощаются образно-метафорически. Связь грезы с миром очень тесная, здесь нет «дистанции» (Башляр, 2009. С. 151). Лепка со следами пальцев скульптора – способ воплощения пластического воображения, архетипов действия, манипуляции руки, воли преобразования «земли». Словом, ремесленное изготовление вещей есть воплощение индивидуального мастерства, габитуса, архетипов бессознательного.

Чувственность касания – это *боль, наслаждение и отвращение*. Боль как травма осязания – это внешняя, физическая боль, воздействие на кожу или тело человека. Ее интенцией могут быть травма, пытка, болезнь, дисфункция с аффектами жеста, гримасы, стоны, рыдания, жалобы или крика (Ветлесен, 2010. С. 39). Субъективное переживание боли – разрыв символического и возникновение чувства одиночества. В случае религиозной экзальтации боль вызывает стигматы (С. Зонтаг). Боль определяют как резкую, пульсирующую, мерцающую, жгучую, колющую, тупую, гудящую, острую, жалящую. Правда о боли располагается внутри того, кто ее переживает. Боль обозначает аффекты, локализованные в отдельных органах тела, ощущаемые кожей или всем телом (все болит), а «страдание» соотносится с интеллектуальными переживаниями, переносится на отношения к себе и другому. Физическая боль индивидуализирует, то есть обозначает различие между человеком, страдающим от боли, и всеми остальными, она «отбрасывает меня к себе самому, к себе как к телу, и только телу» (Рикер, 2017. С. 48). Ее интенцией может быть травма, пытка, болезнь, дисфункция с аффектами жеста, гримасы, стоны, рыдания, крика или жалобы. Физическая боль является интенциональной, она

всегда чья-то боль и о чем-то боль. Так, пытка, если она осуществляется прилюдно, предполагает превращение боли в спектакль, в эффект «визуального шока». Пытка является экстремальным способом подавления личности и доведения человека до состояния животного. Пытку нельзя рассматривать только как отвратительный акт слепой жестокости, скорее она является тщательно выверенным инструментом культуры, «искусством поддерживать жизнь в страдании» (Линден, 2019. С. 194).

Без эмоциональной компоненты, такой как страх, раздражение, удивление, обида, гнев, страдание, интерес, боль останется заурядным опытом (Линден, 2019. С. 204). Трагедия и страх становятся эстетическим измерением боли. Образы, которые в состоянии нести боль от насилия, выразить нашу уязвимость, тронуть нашу чувствительность передают перформансы на грани символического: Марина Абрамович, Вито Акончи, Денис Оппенгейм, Павел Павленский и др. Трагедия и ужас воплощаются в истязании героями собственного тела, это демонстрируется в фильмах Ким Ки Дука «Остров» (2000), Марины де Ван «В моей коже» (2002), Ларса фон Триера «Нимфоманка» (2013).

В отличие от боли как состояния, «в котором человек действительно ничего не чувствует кроме самого себя; в удовольствии, наоборот, наслаждаются не самим собой, а предметом» (Арендт, 2017. С. 404). Гомеостазис, состояние динамического баланса человеческого организма и окружающей среды обуславливается одеждой, которая поддерживает температуру, комфортную телу и предохраняет от излишней влаги или вредных воздействий. Поэтому постоянным касанием тела является восприятие ткани, будь то хлопок, шерсть, шелк или синтетика. Ткань настолько важна для нашей телесной жизни, что через опыт ее ношения, использования в интерьере и постели образуются ряд метафор, описывающих состояние жизни. Радости жизни – это чувственное удовольствие пребывания человека в естественной среде. Например, мышечное удовольствие во время движения, физических упражнений, спортивных состязаний, танца или труда до порога усталости. Таково наслаждение пребывания в природе, по контрасту с городской жизнью, – пикник, рыбалка, сбор ягод или просто отдых в лесу, в горах или у реки. Особую радость доставляет погружение в воду – плавание, отдых на реке или на море. Или ощущение полета, парение в пространстве, преодолевающее гравитацию (канатная дорога, воздушный шар, полет на самолете, экстремальный прыжок и пр.). Радость осязания – это тепло солнца, ласкающее кожу, освежающий руки поток воды, веяние ветра, охватывающее лицо и тело, наслаждение хождения босиком по шелковистой траве и пр. Плотские удовольствия подразумевают культуру тела в урбанистической среде – чистое или грязное, нейтральное, пахнущее или вонючее, здоровое или больное, привлекательное или уродливое, полно-

ценное или заразное. В урбанистической среде состояние комфорта является сферой дизайн-проектирования и целью общества потребления. Миф комфорта как достижения длительного телесно-чувственного наслаждения фундирует западную цивилизацию.

Касание вовлечено в психосоматическую жизнь и может дополняться сенсорными наслаждениями, такими как возбуждение, восторг, усада, утешение, увеселение, радость, восхищение, ликование, экстаз, исступление, облегчение, довольство, изумление, восторг, сладострастие, блаженство (Мантегацца, 2012. С. 408–413). Касание может быть *наслаждением*, которое возбуждает воображение и затрагивает архетипы. В плане касания бытия можно констатировать, что к огню прикоснуться нельзя, его стихия разрушительна, огонь может быть испепеляющим. Зато ощущение тепла от костра или домашнего очага вызывает блаженство, ведет к мечтательности, в которой слиты любовь к огню и его почитание, инстинкт жизни и инстинкт смерти – комплекс Эмпедокла (Башляр, 1993. С. 32). Огонь как укрощенная стихия похищен у богов, а потому является символом свободы и неповиновения, в почитании огня коренится комплекс Прометея (Башляр, 2004. С. 233). Тепло огня вызывает поток грез о концентрированной силе, то есть пробуждает сексуальные ассоциации, обозначая страсть и инстинкт жизни. Родом мечтания у очага становятся сексуальные фантазии, которые представляют собой попытку «*вписать* в центр всех вещей человеческую любовь» (Башляр, 1993. С. 80, 82). Грезы касания воздуха рождают счастливую поэзию: «Воздух – это своего рода преодолённая материя... Земная радость – это изобилие и тяжесть; водная радость – это вялость и покой; огненная радость – любовь и желание; воздушная радость – свобода» (Башляр, 1999. С. 183). Фантазии полета дают особое ощущение легкости, творческого порыва. Воспарение рождает миф о Меркурии и образы птиц в небе (Башляр, 1999. С. 99). Грезы воды как источника жизни увязываются с женским началом и обрастают метафорами материнской заботы и источника молодости (Калницка, 2004. С. 64). Погружение в воду может приносить комфорт, уют, тепло благополучия, а может охлаждать разум, обжигать кожу холодом, грозить смертью. Эта греза приносит чувство преходящего бытия, метафору нашего последнего путешествия и растворения в природе, а значит, чревата упоением смертью – комплексами Офелии и Харона (Башляр, 1998. С. 107–134). Грезы земли затрагивают вопрос не просто касания, а орудийной деятельности, работы преобразования и углубления. Соппротивление земли – грезы воли, концентрация фантазии об энергии, соединяющая усилие и упование. Грезы воли разбухают метафорами агрессии с подлинным гипнотизмом силы (Башляр, 2000. С. 51). Так, осязаемый мир стихий Эмпедокла стимулирует работу воображения, которое не просто пробуждает и выражает эмоции, но является «логикой чувств».

Фантастическое становится эстетическим продуктом архетипического воображения (Гулыга, 1987. С. 145–153).

Срыв символических покровов культуры и преодоление табу, то есть непосредственное касание действительности, вызывает *страх и отвращение*. Запреты грязи, нечистот, продуктов гниения, крови, трупов, телесных отбросов является символическим порядком культуры. Так, в Средние века происходит табуирование спермы и крови, умаление сексуальных связей, плотской жизни, что порой сопровождается самобичеванием (Ле Гофф, 2008). Эстетическая регрессия на край дискурса, трансгрессия табу обостряют чувственность и вызывают ужас. Отвращение названо: в ночи, наполненной темными звуками, но совершенно лишенной изображений; в толпе опустошенных тел, с одним желанием продолжения наперекор всему и ничто... «В конечном счете отвращение – оборотная сторона религиозных, моральных, идеологических кодов, на которых зиждется сон индивидов и покой государств. Эти коды – источник их очищения и сдерживания. Подавление кодов вернет нам проблему “апокалипсиса”» (Кристева, 2003. С. 243–245).

В пограничной ситуации выбора приверженности собственной страсти (уникальности существования) и отрицания бессмысленности повседневности (социальной сущности субъекта) возникает раскол сознания, разрыв символического. Это обнажает бытие как «тошноту» (Ж.-П. Сартр). Экзистенциальный срыв символического открывает истину конечности человеческого существования: «Истина в том, что истины нет» (А. Камю) – ясное сознание неизбежности смерти и бессмысленности повседневности. Какое воздействие оказывает Ничто? Ничто порождает страх (Кьеркегор, 1993. С. 143). Вещи теряют не просто имена, сбрасывают ярлыки, но само бытие открывается как неживое, неопределенное, что рождает тревогу, метафизический страх – *Angst*: «Ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. <...> И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить. <...> Ужасом приоткрывается Ничто» (Хайдеггер, 1993. С. 20). Трагедия расколотого сознания становится эстетическим измерением пограничной ситуации (Ниббриг, 2005).

Эксперименты с опытом осязания в искусстве – это тактилизм Филиппо Томазо Маринетти, Умберто Боччони, чувство поверхности под ногами у Карла Андре, подрыв стереотипов восприятия формы повседневных вещей у Рауля Хаусмана, Мерет Опенгейм, Клауса Ольденбурга, фальсификация опыта осязания за счет подмены живого, сексуального мертвым, искусственным, протезированным у Синди Шерман, Сары Лукас, Джуди Чикаго. В отличие от художественного вымысла касания *touch art* дизайн-проектирование нацелено на конструирование поверхностей *hi-touch* (высокой чув-

ствительности), *pleasant tactility* (приятной осязательности), *tactile likeability* (тактильной привлекательности). Поверхности касания тела – это одежда, окружающая среда, вещи и инструменты. Особую роль в жизни людей имеют ткани одежды, постели, мебели и интерьера. Исторически хлопок, шелк, лен и шерсть, сотканые в полотно сначала с помощью веретена и прялки, а затем с помощью ткацкого станка уже в промышленных масштабах, становятся глобальным товаром с массовым потреблением. Ткань в одежде и интерьере имеет особые тактильные свойства: лен, хлопок и шерсть создают мягкую, уютную атмосферу; шелк, гладкий и тонкий, прохладный на ощупь, дарит ощущение роскошной неги. Разумеется, играет роль и текстура и выделка ткани: бархат – популярная обивка для мягкой мебели, которая создает нежный и притягательный вид; жаккард, плотная и рельефная ткань со сложным переплетением, усиливает привлекательность мебели; букле с шишковатым рельефом, использованная Габриэль Шанель для юбок, жакетов и пальто, в качестве пледов и обивки мебели передает мягкость и легкость, обволакивающую фактуру. Можно продолжить о тактильных качествах батиста, бумази, вареной и камвольной шерсти, люстрина, муслина, парчи, рогожки, саржи, ситца, тюли, фетра, холста. Ткань и ее составляющие давно стали метафорами человеческой жизни (Сен-Клер, 2020. С. 18). Синтетические ткани, помимо одежды, парусов, или покрытий, такие как полиэстер и нейлон, применяются для реализации идеи «смягчения» техники, приятной осязательности клавиш, манипуляторов, пультов и гаджетов.

В системах управления, гаджетах и компьютерных играх касание и манипуляция требуют обратного отклика, поэтому разрабатываются программы отзывчивого дизайна (Фрэйнд, 2022). Эргономика *haptics* и *hi-touch* создают особый эффект игры вещами: Зажигалка «Zippo» Дж. Блэйсделла (1932), электробритва «Sixtant» фирмы Braun (1961), флакон «L'Air du Temps» Nina Ricci Ф. Старка (2010) и др. Так, в противовес хрустальному флакону Lalique (1985) дизайнер использовал матовое стекло и алюминий, уделив особое внимание тактильности, «только над фактурой и оттенком стекла мы трудились два года» (Филипп Старк). Проектирование стульев, бутылок для конкретных напитков, флаконов, посуды – это проектирование визуально-тактильного комплекса, фундируемого мифом комфорта с тактильной притягательностью. Эстетика вещи всегда связана визуально-тактильным комплексом продукта потребления: «попробуйте выпить вина из бутылки для кока-колы или виски из пивной бутылки – это будет настоящий шок для вкусовых рецепторов» (Суджич, 2015. С. 72). Визуально-тактильный комплекс затрагивает не только привычки и стереотипы, но побуждает тактильную привлекательность. Такие кресла, как «Слон» Жака-Эмиля Рульмана (1926), «Великий отдых» Жана Пруве (1929), «Утроба» Эро Сааринена (1948), кресло и оттоман Чальза

и Рэй Имз (1951), «Лебедь» Арне Якобсена (1958), «Elda» Джо Коломбо (1965), «Куколка» Марио Беллини (1969), «Vicario» Вико Магистретти (1970), трансформер «Wink» Тасиюки Кита (1980), обладают особой тактильной притягательностью с коннотациями отдыха и наслаждения, вплоть до эротических аллюзий – пневмокресло кресло «Донна» Гаэтано Пеше (1969). Мечта о счастье как удобной и комфортной жизни становится тем убегающим пределом, который рождает постоянную погоню за новыми вещами с изощренным покрытием.

Касание как невербальное общение

Как способ невербального общения жесты касания имеют коннотации. С помощью прикосновений устанавливается формат взаимоотношений: если он похлопывает по плечу, щиплет, треплет по щеке, то воспринимаются отношения как фамильярные, близкие, утверждающие его превосходство... их можно принять или отвергнуть. Касания выступают как реализация социальной субординации; как источник познания себя и других, «чувство кожей» – щекотка, массаж, боль, ласка; враждебные (схватывание рук ребенка как ограничение его свободы), осторожные, со страхом насильственного вторжения в личную жизнь; пощечина, удар, захват; как метонимия обладания – объятия в танце, дружеские при встрече, объятия сопереживания, установление доверия – рукопожатия, похлопывания, поглаживания (психотерапевты, мошенники, шулеры, манипулирующие сознанием людей); как исцеление – разделение с человеком, любви, радости общения, боли или уныния – воссоединение с миром через объятие, «терапевтический эффект» прикосновение к животным, уход за больными; прикосновения к святыне – к иконам, мощам, благословение через наложение рук, елеопомазание. Таково таинство Причастия: употребление хлеба и вина, святой воды, омовение и крещение (Шемякова, 2013. С. 119–137).

Однако смысл прикосновений обусловлен контекстом – скорбь или праздник, спортивная игра или деловая встреча, любовная игра или наказание. В гендерном плане может различаться функциональный или сексуальный стиль прикосновений (Крейдлин, 2002. С. 452). Тактильное поведение в невербальной ситуации обусловлено социальным положением, полом, степенью знакомства, присутствием в акте встречи третьих лиц, статикой или динамикой взаимодействия и пр.

Особое значение имеют прикосновения в любви – ласки, сексуальная близость, слияние плоти и души; особенно поцелуй, когда отдается право на говорение, люди открыты и уязвимы друг для друга и понимают друг друга без слов. Ласка есть эрос осязания. В отличие от дискурса, плотские касания невыразимы. Жесты касания образуют разрывы, бреши в привычных дис-

курсах о сексуальном: «Да, наслаждение не терпит слов... Язык становится слишком беден: все его уловки по метафоризации, изливающиеся через край, в прикосновении к средоточию невыразимого, почти бессильны» (Юран, 2017. С. 28–29).

Регистром ласки является поцелуй. Французское слово *basier* является одновременно и глаголом, и существительным. «Поцелуй» в каком-то смысле не существует как нечто такое, что один дает, а другой получает; поцелуй – это дар поцелуя». Само значение слова *basier* усматривает в сексуальных отношениях своего рода текучесть (Нанси, 2017. С. 28–29). Эта текучесть – образование эрогенных зон посредством жестов, поцелуев, которые «имеют подвижные, мимолетные очертания, идентичные жестам, которые их выводят, возбуждают, воспаляют» (Нанси, 2004. С. 58).

В процессе переноса касаний между ладами вспыхивает смысл сексуальности. Жан-Люк Нанси отсылает к строкам Пауля Целана «Ночной поцелуй / Клеймит язык ожогом смысла». Ведь «ожог смысла» (*de sens*) – это же и «ожог чувств» (*des sens*) (Нанси, 2017. С. 56). Смысл сексуальности возможен лишь в модальности «транс» – перенос, исступление (*transport*), трансфер, трансляция, трансцендирование, трансгрессия (к) другому. В этих колебаниях и разрывах касаний осуществляется интимность как «превосходная степень внутреннего» (Нанси, 2004. С. 47). Интимность коренится в поляризации – это «разнородность соприкасающихся поверхностей» (Нанси, 2004. С. 136). Интимность бездонна и безосновна, «интимное, то есть нечто такое, что вечно уклоняется от любой попытки что бы то ни было ему (ей) приписать» (Нанси, 2017. С. 62). Различие полов в ситуации *rapport* – сама интимность, потому ее трудно распределить по ее ролям. Вовне – это интимные жесты, прикосновения, призывы, такие как взгляд, просьба, прислушивание, прикосновение, или требование, мольба, заискивание.

Любовные касания и ласки совершаются как обоюдное чувство «кожей и всем телом». Это обладание является не присвоением, а воплощением другого для меня и меня для другого через удовольствие. Любовные касания и ласки – не что иное как присвоение тела другого, когда кожа другого буквально рождается под моими пальцами. Но наряду с этим, это и открытие моего тела: «И это не потому, что тело есть инструмент или точка зрения, но потому что оно есть чистая фактичность» (Сартр, 2000. С. 403). Ласка выражает желание, так же как язык выражает мысль (Сартр, 2000. С. 404). Другой воплощается для меня через удовольствие так же, как и я для него самого, что в корне отлично от обычной ситуации, в которой мы не чувствуем ни собственной кожи, ни кожи другого, пусть даже при случайном соприкосновении в толпе. Легкость прикосновений остается на поверхности, что контрастирует с сильным желанием, и это не позволяет мне присвоить другого. Она

не является просто соприкосновением, а становится формированием, она воплощает другого. Словом, истинное обладание есть двойное взаимное воплощение (Сартр, 2000. С. 405). Так, если женщина (или мужчина) выступает как предмет желания полностью, то есть вместе с сознанием, то это отнюдь не простой плотский объект, а желание является не просто чувством, а способом бытия. В соприкосновении тел любовники раскрывают свою трансцендентность друг в друге (Сартр, 2000. С. 405, 414).

В слиянии тел мужчины и женщины возникает открытие чего-то, что является плотью вещей. Когда желание осуществляется как фактическое обладание телом другого, а не переносом душевного, тогда создается почва для мазохизма или садизма. Жертвой садиста становится «образ самой свободы, сломанной и поработанной». Только свободное тело в соприкосновении с другим раскрывает свою трансцендентность и в этом смысле выступает не нагим или непристойным объектом, но грациозной плотью. Его движения не механические, но живые, оно не инструмент для наслаждения, но трансцендируемая свобода как свойство плоти. Фактичность наряжается и маскируется грацией; нагота тела полностью присутствует, но не может быть видимой, обнаженное тело своими жестами окутывает себя невидимыми одеждами, полностью скрывая свою плоть (Сартр, 2000. С. 414).

Итак, осязание, выступая как касание, органически включено в психосоматическую, эмоциональную, душевную жизнь человека. Суть эстетики касания в восприятии поверхностей, жизни в среде, выражение чего является комфорт как сочетание прекрасного и утилитарного, красоты урбанистического мира и эргономики манипуляции вещами и инструментами. Работа воображения в ситуации поглощенности тела стихиями рождает мечту и грезу, которые питают мифологию души. В этом плане эстетическое раскрывается как фантастическое. Травмирующий аспект бытия в мире, чреватый болью или смертельной угрозой, предстает как трагедия существования. В случае трансгрессии норм и табу культуры эстетическое раскрывается как непристойное и отвратительное, как переживание безобразного.

В плане невербального общения регистр эмоционального отношения меняется в зависимости от намерений человека и культурной ситуации – от иронии до поощрения, от поддержки до оскорбления, от приветствия до проклятия, от воздушного поцелуя до угрозы, от выражения желания до холода безразличия, и пр. В близости через ласки и поцелуи эстетическое выступает как прелестное и восхитительное. Семантика жеста и мимики становится подплекой эстетики невербальной коммуникации – симпатии и приветствия, любви или ненависти, наслаждения или отвращения. В общении раскрывается весь спектр эмоционально-психологических и эстетических отношений.

Список источников

Arendt H. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 437 с. – ISBN 5-89329-230-8.

Bachelard G. Вода и грезы = L'eau et les rêves: опыт о воображении матери / Г. Башляр; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – Москва: Изд-во гуманитар. лит., 1998. – 268 с. – ISBN 5-87121-014-7.

Bachelard G. Грезы о воздухе = L'air et les songes: Опыт о воображении движения / Г. Башляр; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – Москва: Изд-во гуманитар. лит., 1999. – 344 с. – ISBN 5-87121-018-X.

Bashlyar G. Избранное: Поэтика грезы / Г. Башляр; [пер. с фр.: В. П. Большаков и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 437 с. – ISBN 978-5-8243-1114-3.

Bashlyar G. Избранное: поэтика пространства / Г. Башляр; [пер.: Н. В. Кислова и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 373 с. – ISBN 5-8243-0489-0.

Bashlyar G. Психоанализ огня: [пер. с фр.] / Г. Башляр; [вступ. ст. и примеч. Н. В. Кисловой]. – Москва: Прогресс, 1993. – 176 с. – ISBN 5-01-003916-8.

Vetlesen A. Y. Философия боли: монография / А. Ю. Ветлесен. – Москва: Прогресс-Традиция, 2010. – 240 с. – ISBN 978-5-89826-351-5. – EDN RAYUVH.

Gulyga A. V. Принципы эстетики / А. В. Гulyга. – Москва: Политиздат, 1987. – 285 с.

Kalnitska Z. Магия воды и женщины: филос.-эстет. заметки / З. Калницка; пер. с чеш.: [Михаил Письменный]. – Изд. 2-е, доп. – Калуга: Облиздат, 2004. – 167 с.

Koenig K. Развитие чувств и телесный опыт: Лечебно-пед. аспекты учения о чувствах Рудольфа Штайнера / К. Кениг; подгот. и доп. заклоч. гл. Георг фон Арним. – Калуга: Духов. познание, 2002. – 165 с. – ISBN 5-88000-066-4.

Kreydlin G. E. Невербальная семиотика: [язык тела и естеств. язык] / Г. Е. Крейдлин. – Москва: Новое лит. обозрение, 2002. – 581 с. – ISBN 5-86793-194-3.

References

Arendt H. (2000) Vita activa, or About active life / H. Arendt; translated from German and English by V. V. Bibikhin. – Saint Petersburg: Aleteya. – 437 p. – ISBN 5-89329-230-8.

Bachelard G. (1998) Water and dreams = L'eau et les rêves: an experience about the imagination of the mother / G. Bachelard; translated from French by B. M. Skuratov. – Moscow: Publishing house of Humanitarian literature. – 268 p. – ISBN 5-87121-014-7.

Bachelard G. (1999) Dreams of the air = L'air et les songs: An experience about the imagination of movement / G. Bachelard; translated from French by B. M. Skuratov. – Moscow: Publishing house of Humanitarian literature. – 344 p. – ISBN 5-87121-018-X.

Bashlyar G. (2009) Favorites: Poetics of dreams / G. Bashlyar; [translated from French by V. P. Bolshakov et al.]. – Moscow: ROSSPEN. – 437 p. – ISBN 978-5-8243-1114-3.

Bashlyar G. Favorites: poetics of space / G. Bashlyar; [translated by N. V. Kislova et al.]. – Moscow: ROSSPEN, 2004. – 373 p. – ISBN 5-8243-0489-0.

Bashlyar G. (1993) Psychoanalysis of fire: [Translated from French] / G. Bashlyar; [Introduction and note by N. V. Kislova]. – Moscow: Progress. – 176 p. – ISBN 5-01-003916-8.

Vetlesen A. Y. (2010) Philosophy of pain. Monograph / A. Y. Vetlesen. – Moscow: Progress-Tradition. – 240 p. – ISBN 978-5-89826-351-5.

Gulyga A. V. (1987) Principles of aesthetics / A. V. Gulyga. – Moscow: Politizdat. – 285 p.

Kalnitska Z. (2004) The magic of water and women: Philos.-aesthete. Notes / Z. Kalnitska; transl. from Czech: [Mikhail Pisy]. – 2nd edition, supplement. – Kaluga: Oblizdat. – 167 p.

Koenig K. (2002) The development of feelings and bodily experience: Therapeutic ped. aspects of the doctrine of feelings by Rudolf Steiner / K. Koenig; preparation and an additional note by Georg von Arnim. – Kaluga: Spiritual knowledge. – 165 p. – ISBN 5-88000-066-4.

Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / Ю. Кристева; [пер. А. Костинова]. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. – 246 с. – ISBN 978-5-91419-901-9.

Кьеркегор, С. Страх и трепет: [этические трактаты] / С. Кьеркегор; [пер. с дат., коммент. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева; общ. ред., сост. и предисл. С. А. Исаева]. – Москва: Республика, 1993. – 382 с. – (Библиотека этической мысли). – ISBN 5-250-01827-0.

Ле Гофф Ж. История тела в средние века / Ж. Ле Гофф, Н. Труон; пер. с фр. Е. Лебедевой. – Москва: Текст, 2008. – 185 с. – ISBN 978-5-7516-0696-1.

Линден Д. Осязание: чувство, которое делает нас людьми / Д. Линден; [пер. с англ. А. Коробейникова]. – Москва: Синдбад, 2019. – 314 с. – ISBN 978-5-00131-000-6.

Лоуэн А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела / А. Лоуэн; [пер. с англ. С. Коледа]. – Москва: Ин-т общегуманитарных исслед.: В. Секачев, 2007. – 253 с. – ISBN 978-5-88230-143-8.

Мантегацца П. Физиология наслаждений: с портр. [и краткой биограф.] авт.: пер. с 9 стереотип. итал. изд. / Соч. П. Мантегацца, проф. антропологии и сенатора Итальян. королевства. – 2-е изд., пересмотр. – Москва: Ф. И. Анский, 1892. – 518 с.

Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Ж.-Л. Нанси. – Минск: И. Логвинов, 2004. – 272 с.

Нанси Ж.-Л. Сексуальные отношения? / Ж.-Л. Нанси. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 128 с.

Ниббриг Х. Эстетика смерти / К. Л. Х. Ниббриг; пер. с нем. А. Белобратова. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. – 420 с. – ISBN 5-89059-065-0.

Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления / П. Рикёр; [пер. с фр. И. С. Вдовиной]. – Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 2017 (Programme A. Pouchkine) – Т. 3. – 2017. – 311 с. – ISBN 978-5-87121-050-5.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменол. онтологии / Ж.-П. Сартр; [пер. с фр.,

Kreidlin G. E. (2002) Nonverbal semiotics: [body and natural language] / G. E. Kreidlin. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. – 581 p. – ISBN 5-86793-194-3.

Kristeva Yu. (2013) The Forces of horror: an essay on disgust / Yu. Kristeva; [per. A. Kostikova]. – Saint Petersburg: Aleteya. – 246 p. – ISBN 978-5-91419-901-9.

Kierkegaard S. (1993) Fear and awe: [ethical treatises] / S. Kierkegaard; [translated from Danish, comments by N. V. Isaeva, S. A. Isaeva; general ed., comp. and preface by S. A. Isaev]. – Moscow: Republic. – 382 p. – (Library of Ethical Thought). – ISBN 5-250-01827-0.

Le Goff J. (2008) The history of the body in the Middle Ages / J. L. Goff, N. Truon; translated from French by E. Lebedeva. – Moscow: Text. – 185 p. – ISBN 978-5-7516-0696-1.

Linden D. (2019) Touch: the feeling that makes us human / D. Linden; [translated from English by A. Korobeynikov]. – Moscow: Sinbad. – 314 p. – ISBN 978-5-00131-000-6.

Lowen A. (2007) Psychology of the body: bioenergetic analysis of the body / A. Lowen; [translated from English by S. Koleda]. – Moscow: Institute of General Humanitarian Research: V. Sekachev. – 253 p. – ISBN 978-5-88230-143-8.

Mantegazza P. (1892) The Physiology of pleasure: From portr. [and a brief biogr.] author: Trans. from 9 stereotype. ital. ed. / Op. P. Mantegazza, prof. anthropology and Senator Italians. kingdoms. – 2nd ed., revised. – Moscow: F. I. Ansky, – 518 p.

Nancy J.-L. (2004) Being singular plural / J.-L. Nancy. – Минск: I. Logvinov. – 272 p.

Nancy J.-L. (2017) Sexual relations? / J.-L. Nancy. – St. Petersburg: Aleteya. – 128 p.

Nibbrig H. (2005) Aesthetics of death / K. L. H. Nibbrig; translated from German by A. Belobratova. – St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. – 420 p. – ISBN 5-89059-065-0.

Riker P. (2017) Philosophical anthropology. Manuscripts and speeches / P. Riker; [translated from French by I. S. Vdovina]. – Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature (Program A. Pouchkine) – Vol. 3. – 311 p. – ISBN 978-5-87121-050-5.

предисл. В. И. Колядко]. – Москва: Республика, 2004. – 639 с. – ISBN 5-250-01885-8.

Суджич Д. Язык вещей / Д. Суджич; [пер. с англ. М. Коробочкина]. – 2-е изд. – Москва: Strelka Press, 2015. – 226 с. – ISBN 978-5-906264-42-8.

Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. [с нем.] В. В. Бибихина. – Москва: Ad Marginem, 1997. – XI, 451 с. – ISBN 5-88059-021-6.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибихина]. – Москва: Республика, 1993. – 445 с. (Мыслители XX века) – ISBN 5-250-01496-8.

Шемякова Е. В. Прикосновения // Символические формы телесности. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. – 2013. – С. 119–137.

Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства / Р. Шустерман. – Москва: «Канон+»; Региональная общественная организация инвалидов «Реабилитация», 2012. – 408 с.

Эпштейн М. Философия тела / М. Эпштейн. Тело свободы / Г. Тульчинский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. – 431 с. (Тела мысли: Серия / Междунар. каф. (ЮНЕСКО) по философии и этике Санкт-Петербургского науч. центра РАН). – ISBN 5-89329-908-6.

Юран А. «Ожог смыслом», или касание мыслью сексуального / А. Юран // Нанси Ж.-Л. Сексуальные отношения? – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – С. 94–121.

Coppola A. F. Reality and the haptic world / A. F. Coppola // Phi Kappa Phi journal, 1. – 1970. – Pp. 14–15.

Heslin R. Touch: A bonding gesture / R. Heslin, T. Alper, J. M. Wiemann, R. P. Harrison // Nonverbal interaction. – London: Sage, 1983 – Pp. 47–75.

Katz D. The World of Touch / D. Katz. – Hillsdale Hove, London, 1989.

Montagu A. Touching: The Human Significance of the Skin / A. Montagu. – New York: HarperCollins, 1986. – 384 p.

Sartre J.-P. (2004) Being and nothingness: the experience of phenomenology. ontologies / J.-P. Sartre; [translated from French, preface by V. I. Kolyadko]. – Moscow: Republic. – 639 p. – ISBN 5-250-01885-8.

Sudzhich D. (2015) Language of things / D. Sudzhich; [translated from English by M. Korobochkin]. – 2nd ed. – Moscow: Strelka Press. – 226 p. – ISBN 978-5-906264-42-8.

Heidegger M. (1997) Being and time / M. Heidegger; translation by V. V. Bibikhin. – Moscow: Ad Marginem. – XI, 451 p. – ISBN 5-88059-021-6.

Heidegger M. (1993) Time and Being: articles and speeches / M. Heidegger; [comp., trans., intro. art., comment. and the decree by V. V. Bibikhin]. – Moscow: Republic. – 445 p. (Thinkers of the XX century) – ISBN 5-250-01496-8.

Shemyakova E. V. (2013) Touches / E. V. Shemyakova // Symbolic forms of physicality. – St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. – Pp. 119–137.

Shusterman R. (2012) Pragmatic aesthetics: living beauty, rethinking art / R. Shusterman. – Moscow: Canon+; Regional public organization of Disabled people “Rehabilitation”. – 408 p.

Epstein M. (2006) Philosophy of the body / M. Epstein. The body of freedom / G. Tulchinsky. – St. Petersburg: Aleteya, 431 p. (Bodies of thought: Series / International Faculty (UNESCO) on Philosophy and Ethics of the St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences). – ISBN 5-89329-908-6.

Yuran A. (2017) “The burn of meaning”, or the touch of sexual thought / A. Yuran // Nancy J.-L. Sexual relations? – St. Petersburg: Aleteya. Pp. 94–121.

Coppola A. F. (1970) Reality and the haptic world / A. F. Coppola // Phi Kappa Phi journal, 1. – Pp. 14–15.

Heslin R. (1983) Touch: A bonding gesture / R. Heslin, T. Alper, J. M. Wiemann, R. P. Harrison // Nonverbal interaction. – London: Sage. – Pp. 47–75.

Katz D. (1989) The World of Touch / D. Katz. – Hillsdale Hove, London.

Montagu A. (1986) Touching: The Human Significance of the Skin / A. Montagu. – NY: HarperCollins. – 384 p.

Для цитирования: Пигулевский В. О. Эстетика касания // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3(61). – С. 57–71.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.5
EDN GUJVHL

Сведения об авторе

Пигулевский Виктор Олегович
доктор философских наук, профессор,
ректор Частного учреждения высшего
образования «Южно-Российский
гуманитарный институт»
urgj@urgj.info

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.04.2023
Получена в доработанном виде –
15.05.2023
Одобрена – 26.05.2023

Information about author

Victor O. Pigulevsky
Doctor of Philosophy, Professor,
Rector of the Private Institution
of Higher Education “South Russian
Humanitarian Institute”
urgj@urgj.info